

Они шли всё дальше, миновав улицу Люси, пока не свернули в один из глухих переулков. В глубине переулка стоял большой дом. Стоило только распахнуть ворота, как в нос ударил густой запах крови.

Из глубины двора кто-то поднял голову, бросил на них взгляд и тут же расплылся в улыбке.

— О, да это же старший брат Куй! Что тебя сюда привело? — с радушием в голосе проговорил мясник Чжоу, бросая в сторону окровавленный нож для забоя и спеша к ним навстречу.

Мясник Чжоу уже много лет разделял свиней, его руки всегда были в крови, от него исходила тревожная, пугающая аура. Но даже эта аура блекла на фоне зловещей энергетики, окружавшей Куй У, человека, в прошлом запятнавшего руки человеческой кровью.

Если бы Цинь Хэ встретил мясника Чжоу случайно на улице, он, возможно, испугался бы и постарался обойти стороной. Но когда рядом с ним был Куй У, страха не было. Потому что аура Чжоу напрочь терялась в присутствии Куй У.

Подойдя ближе, мясник заметил, что сегодня рядом с Куй У стоит шуаньэр. Это его сильно удивило. Он тут же вспомнил ходившие по городу слухи, и в его улыбке заиграла тень двусмысленности.

— Это твой фулан?

Куй У кивнул, его большая ладонь легла на плечо Цинь Хэ. С виду это был обычный жест, но Цинь Хэ всё же уловил в нём какое-то странное, почти хвастливое выражение.

— Мой фулан любит мясо, — сказал Куй У, расправляя плечи с гордостью настоящего мужа. — Я пришёл купить немного. Отрежь мне заднюю баранью ногу, там мясо самое нежное, и для жарки, и для тушения подойдёт отлично.

— Сейчас, сейчас, я тебе её срежу, — оживился мясник Чжоу. Он ловко взмахнул ножом, несколькими резкими движениями отрубил баранью ногу, но подал её не Куй У, а сразу протянул Цинь Хэ.

Мясник Чжоу знал: Куй У уже давно перешагнул двадцатилетний порог, а фулана у него всё не было. Теперь вот наконец-то заманил, а такому делу надо поспособствовать. Да и какой шуаньэр или девушка не любит вкусного мяса? Прямо в руки и дать, вдруг обрадуется, заодно и не будет брезговать грубым нравом Куй У.

Но неожиданно сбоку вынырнула крепкая ладонь и раньше всех схватила мясо.

— Я сам понесу, — спокойно, но решительно сказал Куй У. — Не хватало, чтобы такая кровавая штука моего фулана напугала.

Напугала? Это ведь всего-то... баранина!

Даже если это какая-нибудь холёная барышня из зажиточного дома, получив в руки баранью ногу, она скорее всего с радостью понесёт её домой. Кому какое дело до крови? А уж если и правда пугает один только вид окровавленного куска мяса, зачем тогда вообще тащить такого человека на бойню, неужто это не страшнее?

Мясник Чжоу на миг поперхнулся, но перечить Куй У не стал. Причины были простые: он знал, что не сможет его одолеть.

— Ладно, — буркнул он. — Восемьсот десять вэней.

Цинь Хэ удивлённо моргнул:

— А мясо у вас поштучно продаётся, не на вес?

— Ах, Куй-фулан об этом, должно быть, не знает, — усмехнулся мясник. — У меня рука точнее всяких весов. С весами ведь можно мухлевать, а меня ты не обманешь. Всё, что меньше двадцати цзиней, я одним взвешиванием руки определю с точностью до монеты, без ошибок.

Он старался улыбаться как можно добродушнее, только вот с его хищной физиономией выглядело это скорее пугающе, чем дружелюбно. Куй У не вытерпел и с размаху хлопнул мясника по голове ладонью:

— Он просто спросил. Ответ, если чего не знает. И не надо так скалиться, страшно ведь! А если моего фулана испугаешь, что тогда?

Мясник Чжоу: «...»

Он поспешно стянул с лица свою неуместную ухмылку, сделав вид, что становится серьёзным. Но и это Куй У не устроило, он снова приложился к его голове ладонью:

— А теперь чего такой угрюмый? Лицо кирпичом, как не глянешь. А если опять моего фулана испугаешь, а?

Мясник чуть не заплакал. Прижав ладонь к щеке, он обречённо пробормотал:

— Я с рождения с такой рожей хожу... Хотя я улыбаюсь, хоть хмурюсь - всё одно страшно. Ну и что мне теперь делать?

Куй У подумал немного и вынес вердикт:

— Вот так и ходи, прикрывай рукой половину лица. Так сносно.

Цинь Хэ не выдержал и прыснул от смеха. Мясник Чжоу тут же оживился, будто солнышко выглянуло:

— Ага! Видал? Это я твоего фулана рассмешил!

Куй У скривился:

— Ты тут при чём? Конечно, это я рассмешил моего фулана.

Цинь Хэ глядя на обоих, понял, что дружат они, должно быть, давно и привычно дразнят друг друга. А значит, и с весом, и с мясом точно не подведёт, можно не беспокоиться.

Когда Куй У убедился, что вокруг никого лишнего нет, он подошёл к мяснику и понизил голос:

— У тебя, случаем, не осталось говядины? Хоть немного, несколько лян. Моему фулану никогда не доводилось пробовать, я бы сварил ему.

Хотя торговля говядиной считается противозаконной, но, как говорится, за большое золото найдётся и смельчак. Тем более, если корова погибла случайно, её мясо вполне можно продать.

Мясник Чжоу широко улыбнулся:

— Далан, да ты, гляжу, для своего фулана душу наизнанку выворачиваешь, отборное мясо выбираешь!

Император Юн Цичао очень любил баранину, а потому и в стране, благодаря придворному вкусу и предпочтениям знати, повсеместно распространилась мода на овечье мясо. Однако баранина из-за высокого спроса стоила весьма дорого. В столице за один цзинь приходилось платить от 250 до 300 вэней, а в отдельных регионах цена могла доходить даже до 900. При этом даже местным чиновникам с месячным жалованием удавалось купить не более пары цзиней. Правда высокопоставленные сановники не слишком переживали, ведь им полагалось ежемесячное жалование в виде мяса от самого двора.

К счастью, в их городе Дишуй цены были куда приятнее. Он находился неподалёку от кочевых племён, для которых овцеводство основное занятие. Поэтому, несмотря на высокую стоимость, баранина здесь была гораздо доступнее: около 180 вэней за цзинь.

Однако даже такая цена по-прежнему оставалась неподъёмной для большинства простых людей. Обычным крестьянам баранина была не по карману, разве что на праздники могли

позволить себе немного. Именно поэтому, когда Ли-ши увидела, как Цинь Хэ ест закуски вроде колбасок, глаза её вспыхнули от зависти. Из-за высокой цены в таких уличных угощениях, которые стоили десять с лишним вэней за порцию, мяса было совсем немного, буквально несколько кусочков, чтобы просто сбить аппетит. Многие покупали их, чтобы потом дома снова обжарить с зеленью и хотя бы запахом мяса насладиться.

Что же до говядины, то тут дело тоньше - нужно было знать, у кого и как спрашивать.

Мясник Чжоу подозвал одного из помощников и что-то шепнул ему. Тот осторожно направился в задний двор и вскоре вернулся, держа в руках свёрток, укутанный в плотную ткань.

— Больше нет, только два ляна, — сказал мясник. — И то я для себя приберёг, чтобы потом закусить. Но раз это особое угощение для твоего фулана, то уж ладно, дам тебе. Бери за сто вэней.

Куй У сложил руки в благодарственном поклоне.

Как только они вышли из внутреннего двора, Цинь Хэ тут же услышал ссору. Он вытянул шею, чтобы получше разглядеть, что происходит в глубине тёмного переулка. В переулке неожиданно оказался ресторан, у входа в который стояли две молоденькие девушки в ярких коротких куртках и юбках. В такую холодную погоду они умудрились щеголять оголёнными плечами.

В одно мгновение Цинь Хэ всё понял - неужели это бордель?

Вдруг чьи-то большие ладони резко прикрыли ему глаза, и возле уха грозно, с досадой раздался знакомый голос:

— Не смей смотреть! Шуаньэр ты или нет, глядеть на девок тебе не положено!

Цинь Хэ незаметно скривил губы. Хотя он до конца и не понимал, чем шуаньэр отличается от обычного мужчины кроме возможности выносить ребёнка, но прекрасно знал, что всё, что должно быть у мужчины, у него есть. А может, даже и кое-что сверх того. И уж точно это не мешает случиться между ним и какой-нибудь девушкой... если бы он этого захотел.

Но эти мысли Цинь Хэ держал при себе, вслух он такого говорить не осмелился. Тем более что, по правде говоря, ему и не хотелось ни с какими девицами заводить дела.

На обратной дороге Куй У всё ещё переживал и строго-настрого приказал:

— Запомни, я тебе говорю - не вздумай ходить туда один. А не то...

— Я не пойду, — быстро ответил Цинь Хэ. — Просто любопытно было, вот и глянул мельком.

Он кивнул на лавку с приправами:

— Дома одна только соль осталась, зайдём купим что-нибудь.

Внутри лавки выбор был большой, но Цинь Хэ взял только самое необходимое: соевый соус, уксус, чёрный перец и немного дудника с чесноком. Всё вместе обошлось в тридцать вэней. Просто вышли из дома, а уже больше лян серебра как не бывало. Цинь Хэ сам почувствовал, что немного разошёлся. Но ему и правда очень хотелось вкусного. С тех пор как он попал в этот мир, он ещё не пробовал ни одного привычного блюда, так что слюна у него текла просто от запахов. Решил: пусть это будет награда себе на свадьбу. Дальше будет экономить.

А Куй У, ни капли не стесняясь, шагал по улице, размахивая перед всеми целым бараньим окороком. Пройти мимо и не заметить такое было решительно невозможно.

— Мама! — воскликнула Сян-сяоцзянь, подсыпавшая во дворе отрубей курам.

Подняв голову, она увидела, как Куй У несёт баранью ногу, а рядом с ним шагает его супруг, и от удивления уронила глиняную миску.

— Куй У купил брату Циню целый бараний окорок! И вроде ещё что-то в придачу!

Сян-дасао тоже подошла посмотреть и, покачав головой, с восхищением цокнула языком:

— Вот не подумала бы... А этот Ша-шэнь-то, оказывается, заботливый муж. Сейчас купить баранью ногу, наверняка, к завтрашнему визиту в родительский дом готовится. Такой подарок это тебе не шутки. Сдается мне, Цинь Хэ теперь сможет распрямить спину, вернувшись в родной дом. Больше уж точно никто не посмеет обращаться с ним так, как до свадьбы.

Сказав это, она замолчала, но от дочери Сян ответа не последовало. Оглянувшись, Сян-дасао заметила, что лицо девушки стало каким-то странным, в нем смешались зависть и ревность.

— Что с тобой, доченька? — удивлённо спросила она. — Ты ведь сама тогда отказалась от Куй У, посчитала его недостойным. А теперь, когда он уже женат, чего жалеть-то? И потом, ну и что, что баранья нога? Мы ж тоже можем себе позволить такую купить.

Она понизила голос и, наклонившись к дочери, прошептала:

— Серебра, оставленного твоим отцом, хватит не то что на ноги - целое стадо баранов, и быков купить можно. Просто мы вдова с дочкой, и должны держаться тихо, чтобы не привлекать лишнего внимания. А когда выйдешь замуж, будет у тебя своя семья, я все серебро тебе в

приданое отдам. Вот тогда и заживёшь по-настоящему, что захочешь, то и будешь есть.

После уговоров матери настроение Сян-сяоцзянь немного улучшилось. Она подняла упавшую на землю миску, аккуратно собрала рассыпанные отруби и высыпала их обратно в курятник.

В доме Цинь Хэ и Куй У, пока они отсутствовали, не разводили огонь, и теперь внутри стояла ледяная стужа. Цинь Хэ поёжился от холода, и Куй У, заметив это, сразу же отложил баранью ногу и принялся разводить огонь в печи.

— Фулан, садись ближе к очагу, тут тепло, — позвал он.

Цинь Хэ послушно опустился у печи, протянув к огню замёрзшие руки, чтобы согреться. Тем временем Куй У поставил вариться рис и, озабоченно оглянувшись, спросил:

— Ты как хочешь приготовить баранину? Я-то только одно умею: сварю, а потом с чесночным соусом или перцем подам. Но если хочешь что-то посложнее, я могу кого-нибудь пригласить, кто приготовит как надо.

Услышав это, Цинь Хэ вспомнил, как в прошлый раз, когда Куй У ходил к соседям, вдове с дочерью из семьи Сян, он случайно повредил дверь, и лицо его невольно нахмурилось.

— Не нужно, — покачал головой Цинь Хэ. — Я сам приготовлю. Готовлю я вполне сносно.

Он говорил вовсе не из хвастовства. В мире после апокалипсиса, если у тебя не было сверхспособностей, ты автоматически становился обузой. Чтобы выжить, нужно было обладать каким-то ремеслом. Ремеслом считалось всё то, чем одарённые способностями брезговали заниматься, но без чего невозможно было обойтись в повседневной жизни: кулинария, портняжное дело, земледелие и тому подобное.

А ремеслом Цинь Хэ как раз и была кулинария.

Он родился уже в эпоху после апокалипсиса, в период восстановления. Тогдашний мир кое-как начал отстраиваться: возрождались промышленность и сельское хозяйство. Но всё это было лишь тенью былого процветания, каким был мир до катастрофы, не сравнить с тем, что было два века назад. Люди могли жить стабильно, но о комфорте и изобилии и речи не шло.

С самого детства Цинь Хэ не знал ни отца, ни матери: были ли они живы, мертвы, существовали ли вообще. В мире, где после конца света было слишком тяжело прокормить ребёнка, детей нередко просто бросали. Таких, как он, было слишком много. И с годами это стало настолько привычным, что даже если родные случайно сталкивались с когда-то оставленными детьми, они уже не могли узнать в них тех, кого однажды обрекли на выживание в одиночку.

Хотя, конечно, не исключено, что его родители и правда погибли, но Цинь Хэ всё же предпочитал верить в другое: что они живы, просто когда-то выбрали его бросить.

Вырос он у одинокого старика без жены и детей. По словам самого старика, в их роду до конца света был когда-то пращур, работавший шеф-поваром в элитной гостинице со «звёздами» - кулинар высшего класса, блюда которого стоили баснословных денег. Это было семейное ремесло, передаваемое из поколения в поколение. И хотя к старику дошли от него лишь жалкие крохи бывшего мастерства, для мира после апокалипсиса этого было более чем достаточно.

Старик варил еду для одарённых в одном из базовых лагерей, и Цинь Хэ с детства следовал за ним и учился. Готовка была делом выгодным: имея доступ к провизии, можно было кое-что «уронить мимо кастрюли», пожитьяся.

Но, увы, старик был человеком упрямым, ни перед кем не пресмыкался, и нажил себе немало врагов. Даже один из его бывших учеников в итоге его предал. Этот ученик, в отличие от своего наставника, отлично умел подлизываться и в итоге пробился в управляющие кухни. Он следил за стариком в буквальном смысле: ограничил ему доступ к продуктам и особенно не подпускал к мясу и прочим деликатесам.

Поэтому даже если Цинь Хэ удавалось попасть на кухню и помочь старому учителю, поесть сам он почти никогда не мог. Тем не менее, навыки кулинарии у него остались, и явно неплохие, раз одарённым, несмотря ни на что, нравилось то, что он готовил.

<http://bllate.org/book/13598/1205822>